
АНТОН НЕЛИХОВ
СКАЗКИ, НЕЗНАКОМЫЕ С ДЕТСТВА
Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный
18+
МИФ

Антон Нелихов

Сказки, незнакомые с детства. Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 398.21(=161.1).09
ББК 82.3(2=411.2)-0

Нелихов А. Е.

Сказки, незнакомые с детства. Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный / А. Е. Нелихов — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026

ISBN 978-5-00-281217-2

«Колобка», «Репку», «Теремок», «Снегурочку» сегодня издают многотысячными тиражами и считают народными сказками, хотя это не вполне верно. Большинство русских сказок читатель знает в литературной обработке, а главное – всего в одном варианте, который по случайности стал классическим. Настоящие народные сказки были другими. Они постоянно менялись, у многих были открытые финалы. В народных сказках часто появлялись необычные детали и неожиданные подробности, о которых рассказывает эта книга.

УДК 398.21(=161.1).09
ББК 82.3(2=411.2)-0

ISBN 978-5-00-281217-2

© Нелихов А. Е., 2026
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2026

Содержание

Предисловие 8
Колобок. Пирожки и мертвая голова 10
Репка. Многоногие помощники 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Антон Нелихов
Сказки, незнакомые с детства. Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный

Научный редактор Е. А. Самоделова

Нелихов, Антон

Сказки, незнакомые с детства. Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный / Антон Нелихов; [науч. ред. Е. А. Самоделова]. – Москва: МИФ, 2027.

ISBN 978-5-00281-217-2

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Нелихов А. Е., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

* * *

Предисловие

Пятьдесят лет назад экспедиция иркутских фольклористов приехала в небольшую, всего в две улочки, деревню на реке Лене. Здесь жил сказочник Филипп Егорович Томшин. О себе он говорил, что с детства запоминал сказки от соседей и странников, которых здесь называли «пришельцами» и «странными».

За долгие годы у Томшина сложился богатый сказочный репертуар, он хорошо знал истории про богатырей, разбойников, змеев, но, к удивлению фольклористов, настойчиво предлагал послушать «Колобка».

Начальница экспедиции Е. И. Шастина вспоминала:

> *«Откровенно говоря, [сказку] про колобка слушать не хотелось. Уже несколько дней мы "увиливали" от непонятно настойчивого предложения Томшина рассказать ее. Но Филипп Егорович все-таки начал:*
>
> *"В некотором царстве, в некотором государстве…"*
>
> *Мы насторожились».*

В самом деле, все знают, что «Колобок» должен начинаться словами «Жили-были дед и баба».

Необычным оказалось не только начало. Рассказ про колобка был зачином, за которым потянулись другие истории, одна за одной, как звенья цепи.

Лиса съела колобка, ее разморило от мягкого теста, она легла на дороге и уснула. Мимо ехал мужик с возом рыбы. «О-о! Дохлая лисичка, вот фарт старухе!» – обрадовался он и бросил тушку на воз. Лиса выкинула всю рыбу, потом отправила волка удить хвостом в проруби, а сама нанялась к бедняку пасти кур. Всех передавила. Бедняк избил ее до полусмерти («Сбубенил как следоват»), лиса взмолилась о пощаде и пообещала устроить мужику жизнь.

Начался «Кот в сапогах» с лисой в главной роли.

В конце концов лиса женила недавнего бедняка на царевне, был созван свадебный пир. «Я там был, мед-пиво пил, – сказал Томшин и добавил: – Но это присказка. Сказка еще впереди».

И сюжет полетел дальше.

Лиса добыла герою дворец великанов. Затем резкий поворот: мужик ее выгнал. Причина – нелепая. Разбогатевший мужик все равно боялся, что лиса передушит кур, хотя хозяйство было уже поистине огромным («скотины всякой навалом»).

За воротами лисе не повезло встретиться с обманутыми великанами. Один ее поймал, привязал к ступне и отправился гулять. Лиса погибла в мучениях. «Только шкурка от лисы осталась», – вздохнул Томшин.

Отвязал великан истерзанную шкурку, размахнулся и бросил во дворец. Упала она к ногам неблагодарного мужика, который только и сказал: «Ну что ж? Хоть шкура осталась. И то жене на воротник сгодится».

Вся цепочка была чистой импровизацией, которой Томшин остался недоволен: слишком жестоким получился «Колобок».

– А почему мужик-то таким злым оказался? – спросил один из слушателей.

– Так уж вывернулось у меня, – ответил сказочник и махнул рукой. Но уже через минуту оттаял, улыбнулся и горделиво заметил про сказки:

– А лохко я их соединяю. Это чтоб все ходом шло[1].

История типичная. По желанию опытного сказочника сюжет мог удлиняться или, наоборот, сжиматься до голой схемы. В народе говорили: сказку, словно гармошку, и сложить,

[1] Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск, 1975. С. 31–32.

и растянуть можно. Модель Шахерезады была вполне знакома русским «странным», которые расплачивались за ночлег и еду историями.

Сказки менялись не только в размерах. В них могло поменяться почти все. В сюжет постоянно проникали дополнительные подробности и сцены, сказки соединялись друг с другом. И народная сказка всегда была импровизацией, качество и глубина которой зависели от умения и талантов сказочника.

По словам советского сказковеда Э. В. Померанцевой, для народных сказок характерно «отсутствие стабильности текста»[2]. Сегодня это кажется необычным, потому что сказки не рассказывают по памяти, а читают по популярным изданиям, где они представлены одним и тем же неизменным текстом, к тому же литературно обработанным.

Облагороженные, лишенные вариантов, сказки сейчас воспринимаются как истинные образцы народных. Но подлинные народные сказки не имели определенных образцов и были очень изменчивыми.

В деревнях рассказывали не одни, а десятки разных «Колобков», «Репок», «Теремков». Один и тот же сюжет отличался даже у конкретного сказочника, который мог играть концовками по настроению и в зависимости от аудитории.

Пермская сказочница говорила, что у небылицы про стариков, которые полезли в небо по гигантскому стеблю гороха, было два финала. Один для детей: старуха сильно пустила газы, сорвалась, упала на землю и сильно ушиблась. Старик позвал лису, чтобы ее вылечила. Лиса потребовала принести в баню масло, мед и чай, все съела и сбежала, а старуху сам муж попарил, после чего она выздоровела. Второй – для взрослых: старуха свалилась, звери взялись ей помочь, но сожрали, оставив старику только «п…у под лопушкой»[3].

Сюжет менялся в зависимости от пола слушателей и времени года, мог по-разному звучать в поле, в лесу, в избе, приноравливаясь к декорациям и обстоятельствам.

Показать разнообразие сказочных сюжетов, дать возможность по-новому взглянуть на знакомые с детства сказки, увидеть неожиданные грани в историях колобка, репки, Емели, Бабы Яги и других прославленных персонажей – главные задачи данной книги.

[2] Померанцева Э. В. Русская устная проза. М., 1985. С. 10.

[3] Русские народные сказки Пермского края. Пермь, 2004. С. 239.

Колобок. Пирожки и мертвая голова

«Робячьи сказки», то есть самые простые, с несложным сюжетом, которые рассказывали малым детям, часто начинались формулой «жили-были старик со старухой». Жили одиноко, прошлое их неизвестно.

Сказка вообще не интересуется подробностями и контекстом. Ее герои – трафаретные фигуры, а не полноценные литературные персонажи с характерами. У старика со старухой даже имен нет.

Живут они без соседей, без родных. Где именно живут, тоже неясно: в лучшем случае где-то поблизости растет лес. Как правило, они бедны и бездетны.

Ставший классическим вариант «Колобка» обыгрывает именно такой безрадостный сценарий, в основе которого лежит сказка из собрания А. Н. Афанасьева.

Вариант предельно прост. Старик просит старуху сделать колобок, то есть округлое мучное изделие. Старуха идет в амбар, наскребает по сусекам немного муки, печет колобок и ставит остудиться на окно. Колобок внезапно оживает, катится из дома прочь, по дороге встречает зайца, волка и медведя, которые хотят его съесть, но слушают песню и упускают. Наконец он встречает хитрую лису, которая хвалит песню, просит запрыгнуть ей на нос и спеть еще разок. Колобок прыгает, лиса его съедает. Что можно поменять в этой схеме? Какие у нее могут быть варианты?

Если взглянуть на коллекцию записанных в народе «Колобков», придется признать: поменять можно что угодно.

> *Сказка могла начаться с любопытного зачина. У старика со старухой было много хлеба, и старик спросил: «Старуха, старуха, куда хлеб девать?» Она ответила: «Давай в реку валить». Начали они валить хлеб и так увлеклись («до того довалились»), что весь утопили. Тут и проголодался старик, а старухе пришлось мести по закромам остатки муки*[4].

Многие варианты обходились без трогательного подметания амбара. Старуха просто готовила хлеб, вместе с которым пекла колобок. Такая картина этнографически наиболее правдивая: в деревнях по колобку определяли, пора ли вынимать хлеб. Колобок лепили из остатков теста и ставили в печь рядом с хлебом, чуть ближе к дверце[5].

Старуха могла испечь не один, а сразу несколько колобков[6].

Менялось название изделия. «Колобком» герой сказки был часто, но не всегда. Есть диалектные варианты: калабуг, колóбышек. Могли назвать сусечным пирогом, просто пирожком.

---

[4] Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. М.; Л., 1961. № 45.

[5] Уточнение доктора филологических наук Е. А. Самоделовой.

[6] Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970. № 115.

Слово «колобок» тоже не всегда означало шарообразное изделие. В Вологодской губернии так называли пирог из ячменной муки без начинки, который имел форму лодки[7].

Стоит остановиться на одной детали. Сегодня сказку читают по книгам с цветными картинками, где нарисован желтоватый и очевидно пшеничный колобок. Крестьянские дети воспринимали сказку на слух, без рисунков, и представляли колобка скорее сероватым, сделанным из ржаной муки, как большинство деревенских мучных изделий.

Рожь была основой крестьянского стола. «Хлебец ржаной – отец наш родной», – говорили в деревнях. Белый пшеничный хлеб пекли редко, потому что пшеницу было выгоднее продавать в город. Им угощались на праздниках, при приезде почетных гостей. Случалось, в пшеничные изделия вообще не клали начинку: они сами считались лакомством.

Повседневные хлеба были коричневыми, сероватыми, начиная с каравая и заканчивая пирогами. Да и праздничный пшеничный тоже был серым, потому что крестьяне, в отличие от современных хлебозаводов, муку не отбеливали.

Большого смысла в этом нет, но все же небезынтересно отметить: в представлении деревенских сказочников и их слушателей колобок наверняка был темного цвета.

В большинстве вариантов сказки упоминалось окно, возле которого клали колобок остудить. Именно отсюда начиналось его недолгое путешествие.

Если бабка пекла несколько колобков и раскладывала по разным местам, убегал один, лежащий у окна. Другие (на лавке, печке) оставались безжизненными хлебами, а оконный вдруг «прыгнул да как пошел»[8].

Мотивация колобка в сказке не проговаривалась. Можно предположить, что он хотел сбежать от старика и старухи, которые собирались его съесть. Однако такую причину сказочники не называли. Их редкие попытки придать сюжету рациональность и объяснить поведение колобка мало что проясняли. Например, по мнению одного сказочника, колобок убежал из-за скуки:

> *«Колобок лежал, лежал на окошке, скучно ему стало. “Убегу”, – думает. Как подумал, так и сделал. Покатился с окошка на завалинку, а с завалинки на землю, покатился по тропинке, выкатился за калитку, и только его и видели!»*[9]

Путь колобка не имел конечной цели и вел просто подальше от избы стариков.

В дороге колобок встречал разных персонажей, не только привычных нам зайца, волка, медведя и лису. В одном варианте он убегал еще и от вороны, в другом – от собаки. В сибирском варианте встречал местных животных, в том числе хорька, горностая, бурундука[10]. Иногда в сказке появлялись дополнительные персонажи-люди: поп, пастухи, пахари, девицы с коромыслами, бабы с бельем.

Все встречные пытались его поймать, а он пел песенку и убегал. Другие персонажи обычно оставались на месте, но иногда за колобком гнались все, кого он очаровал своим выступлением: пастухи бросали стада, пахари – лошадей.

Как и большинство историй для самых маленьких детей, «Колобок» – как и «Репка», и «Теремок» – относится к кумулятивным сказкам.

В «Колобке» удлиняется хвастливая песенка, в «Репке» – число тех, кто пробует вытащить ее из земли, в «Теремке» – число жителей, причем каждый пришедший обязан выслушать полный список уже забравшихся внутрь.

---

[7] Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. С. 23.

[8] Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. М.; Л., 1961. № 45.

[9] Сказки родного края. Горький, 1978. № 20.

[10] Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Волшебные. О животных. Новосибирск, 1993. С. 45.

Смысл этих сказок заключается в наращивании и усилении выбранного элемента. По словам выдающегося сказковеда В. Я. Проппа, в таком «нагромождении и состоит весь интерес и все содержание [кумулятивных] сказок», и никаких «интересных “событий” сюжетного порядка» в них нет[11].

Свое название они получили от латинского слова cumulare, то есть «накоплять», «нагромождать», «увеличивать». В русском сказковедении их также называют цепевидными и рекурсивными, потому что они неизбежно возвращаются к началу (от латинского recurso – «бегу назад», «возвращаюсь»)[12]: например, колобок перечисляет всех, от кого сбежал, каждый раз начиная с деда и бабки.

Для ребенка кумулятивные тексты важны, потому что тренируют память, речь и абстрактное мышление. В этом – их основное значение, и этим объясняется их популярность.

Филолог И. Ф. Амроян удачно сравнила кумулятивные сказки с известной детской игрой, когда на стержень насаживают кольца разного диаметра в определенной последовательности, чтобы получилась пирамидка. Только в сказке вместо таких колец – слова[13].

Кумулятивные сказки известны, вероятно, всем культурам. В их числе есть и знаменитые, например европейский «Дом, который построил Джек».

Очень важным было исполнение, которое менялось в зависимости от целей сказочника. Песня колобка могла прозвучать бодрым отчетом о победах или, наоборот, превратиться в монотонный перечень, чтобы ребенок поскорее уснул.

Например, по воспоминаниям А. А. Кобеца, его прабабушка проговаривала песню как молитву, как заговор:

«Я по сусекам метён,
По коробам скребён,
Со студеной водицей мешён,
В печке печён,
На окошке стужён,
Я от дедушки убёг,
Я от бабушки убёг,
И от тебя, мягкие лапки (то есть от кота. – Прим. А. Н.),
Убегу».

До финала с поеданием колобка обычно не доходило, дети засыпали раньше[14].

Встречные персонажи, как правило, старались съесть колобка, но не всегда. Иногда ему предлагали не торопиться, остановиться и отдохнуть, спрашивали: «Куда бежишь, колобок – крутой лобок? Полежи со мной чуток». Колобок не хотел останавливаться и отговаривался песенкой[15].

Модель почти всегда давала сбой при встрече с лисой. Крайне редко колобка съедали другие персонажи: собака, волк, медведь, мышь или сами старики.

---

[11] Пропп В. Я. Русская сказка. М., 2000. С. 344.

[12] Кретов А. Сказки рекурсивной структуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. Т. 1. Тартуский университет, кафедра русской литературы. Тарту, 1994 (https://ruthenia.ru/reprint/trudy_i/kretov.pdf).

[13] Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М., 2005. С. 136.

[14] Личное сообщение А. А. Кобеца (1975 г. р.), сказку ему рассказывала прабабушка Арина Жданова (около 1900 г. р., Тамбовская губерния).

[15] Личное сообщение А. А. Кобеца.

Лиса обычно побеждала благодаря хитрости, прикидываясь глуховатой. Причем сказочник мог растягивать сказку в этом эпизоде и заставлял колобка прыгать по всей лисе и петь песню сначала на спине, потом на голове, на ушах, на носу, на языке.

Есть вариант, где не колобок поет песню лисе, а лиса ему, причем это больше соответствует сказочной традиции (схожий сценарий был в сказке «Пение волка», о которой рассказано дальше). Колобок заслушивался песенкой, и лиса его проглатывала[16].

Лиса могла обмануть колобка, предложив донести туда, куда он будто бы спешит:

> *«Куда ты бяжишь, колобок? […] Ты устал, колобок! Садись ко мне в роток, я тябя донясу!»*

Благодарный колобок прыгал в пасть[17].

Случалось, лиса обходилась грубой силой, не прибегая к хитрости:

> *«Катится колобок, катится, а навстречу ему лиса. Лиса к нему подошла, понюхала, посмотрела, церемониться не стала и съела. Колобок и словечка сказать не успел»*[18].

Не самой редкой (сохранилось как минимум четыре записи) была версия, где колобок убегал от лисы и даже возвращался домой и рассказывал старичкам о своих приключениях[19].

Итак, каркас сказки – небольшое хлебное изделие оживает, убегает и спасается с помощью песенки от встречных, пока наконец не гибнет – как правило, в результате обмана.

Некоторые сказочники рассказывали продолжения, в которых говорилось, что случилось после того, как колобка съели. Продолжений записано не слишком много, при этом они довольно разнообразные.

На Кольском полуострове записали сказку, где дед пошел искать колобка и спрашивал встречных, куда тот подевался.

– Он у лисицы сидел, – отвечали ему.

– Так она, мерзавка, и съела, больше некому, – сердился старик.

Дошел до лисы, а она спит. Вскинул дед ружье, без предупреждения пристрелил лисицу, выпотрошил («распорол живот») и достал колобка.

Дальше труднообъяснимое: старик принес колобка домой и помыл в надежде, что он оживет.

Колобок не ожил.

– А возьмем-ка мы колобка лучше съедим! – решили дед с бабкой.

> *«И съели колобка, чаем запили, и сказка вся»*[20].

Саратовская версия обыгрывала мифический мотив героя, проглоченного чудовищем: колобок стал как пророк Иона, а лиса – как кит. Она не наелась («ей мало пирожка») и пошла воровать кур. Залезла в курятник, как вдруг колобок закричал у нее из живота:

«Хозявушки-матушки,
Лиса кур ворует!
Хозявушки-матушки,
Лиса кур ворует!»

---

[16] Фольклорные сокровища Московской земли. Сказки и несказочная проза. М., 1998. № 4.

[17] Сказки Псковской области. Псков, 2004. № 115.

[18] Народная поэзия Арзамасского края. Сказки в двух книгах. Кн. 1. Арзамас, 2002. № 32.

[19] Вологодские сказки конца XIX – начала XXI века. С. Воскресенское; Вологда, 2018. № 142.

[20] Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970. № 115.

Выбежали люди – кто с топорами, кто с вилами, – побежали за лисой, она упала, колобок из нее выскочил. Ничем хорошим для него эта версия не кончалась:

«[Колобок] покатился к дедушке, к бабушке. Они его съели»[21].

В брянской версии голодный старик взамен убежавшего колобка потребовал от бабки новый. С большим трудом старуха снова поскребла-помела в амбаре, собрала пригоршню муки «наполовину с пылью и опилками». Испекла, да вот беда: получился колобок не только маленький и грязный, но и совсем черствый, «вроде каменного». Дед об него последний зуб сломал, разозлился и выбросил на улицу.

Тот покатился, встретил зайца, который не смог его раскусить. Встретил волка, который понюхал его и отбросил прочь. Лиса по старой памяти предложила колобку спеть песню.

> *«Согласился колобок и стал приплясывать перед лисой, да так разошелся, что подскочил и угодил лисе прямо в лоб. Разбил он лисе голову – еле живая она осталась. А сам колобок покатился дальше».*

Когда стемнело, прилег возле копен сена, ночью его мыши съели[22].

Неожиданную версию записали у русских в Восточной Латвии. Лиса поймала колобка («пирожка»), выела середину, нагадила внутрь и обменяла пастухам на бычка, договорившись, что они начнут есть, когда она уйдет. Скрылась лиса за горой, пастухи разломали пирожок («красивый был, румяненький»), оттуда брызнуло фекалиями: «обтекло все лицо навозом»[23].

Скорее всего, здесь отразилась прибалтийская версия сюжета, в которой от всех убегала пышка. Лиса тоже ловила ее с помощью хитрости («Я на одно ухо не слышу, на один глаз не вижу, подойди поближе»), затем съедала мякиш, заделывала корочку и меняла получившуюся лжепышку у пастухов на барашка[24].

В свою очередь, к этой версии близки редкие русские и украинские, где лиса просто воровала лежавший на окне пирожок и меняла его на бычка[25].

Примеры показывают, как легко может меняться и приобретать разные смыслы один и тот же сюжет про испеченный и пропавший хлеб. Для одной традиции важны встречи по дороге, а финалом становится, как правило, съедение хлеба лисой. Для другой это не финал, а начало истории о приключениях лисы.

Для полноты картины надо указать сюжеты, отчасти совпадающие с «Колобком». В них действуют другие главные герои.

В Тамбовском крае рассказывали историю, где вместо колобка был лобок, то есть череп. История страшная по антуражу, лежащая на стыке сказок с быличками (устными рассказами о нечистой силе). При этом поэтичная, даже добрая.

> *«Жили старик со старухой. Был у них один сын, да и тот помер в детстве. Денег не было, вот похоронили, а срокусты* (то есть сорокоусты – поминальные молитвы, которые заказывают на сороковой день кончины. – Прим. А. Н.) *не зазывали, панихиды не служили. На погост ходили, так "как чё" на могилу приносили.*
>
> *Вот пошёл старик на погост к сыну, а там могилу копают рядом. Видит он: лобок (череп) сына выкатился.*

---

[21] Фольклор Саратовской области. Кн. 1. 1946. № 415.

[22] Сказки Брянского края. Брянск, 2016. № 2.

[23] Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976. № 200.

[24] Королева Лебедь. Литовские народные сказки. Вильнюс, 1962. С. 15–16.

[25] Харьковский сборник. Вып. 9. 1895. С. 396.

Вот он его и взял, чтоб со старухой над ним покричать (поплакать).

Принёс, обмыл. Всю ночь над ним кричали, горе горевали. Надо наутро обратно несть, чтоб на место положить. А они и уснули. А лобок на лавке оставили.

Вот заутреня уже, а старики спят. Скоро нового покойника понесут и могилу зароют.

Котик на лавку пришёл и говорит: "Лобок, лобок, а дай я тебя погладаю, лапкою покатаю".

Лобок говорит: "Котик-батюшка, ты меня не гложи, на мне ни мяса нет. Толкни меня на землю, мне пора". Толкнул его котик, лобок и покатился-покуралесил.

Тут его бирюк (волк) встретил. Хотя иногда и свинья встречала, по-разному несколько раз слышал. И говорит: "Лобок, я тя погрызу, мозга пососу". А тот и говорит: "Ты не грызи, не ломай меня, во мне всё сгнило. Толкни меня лапкай, я дальше на ва́кушку (кладбище) покачусь".

Катится лобок, а тут колокол ударил. Из церквы покойника выносят. Не успевает лобок в домовину-то вернуться. Закричал, запричитал. А тут собачка пёстренька бежит. Схватила лобок, да и отнесла в могилу, да и прикопала»[26].

История «лобка» хорошо показывает, что в фольклоре сюжет мог приобретать самые причудливые формы, хотя в нем оставались разные детали, указывающие на близость к другим сюжетам.

Справедливости ради надо отметить, что одна из самых странных версий – классический, хорошо всем знакомый «Колобок» в пересказе литератора и педагога К. Д. Ушинского. В нем хватает противоречий: небольшой колобок готовят специально, без других хлебов и с трудом собирая в амбаре муку, хотя при этом в доме есть более дорогие продукты – масло и сметана. По предположению сказковеда Е. А. Самоделовой, этот текст, возможно, зафиксировал распад сказочного сюжета, когда рассказчики стали забывать некоторые детали, а логика повествования начала разрушаться.

[26] Личное сообщение Д. В. Долгушина (1973 г. р.), сказку рассказывала его прабабушка Мария Егоровна Калинушкина (1907 г. р.), всю жизнь прожившая в Карандеевке Инжавинского района Тамбовской области.

Репка. Многоногие помощники

В 1864 году сорокалетний педагог Константин Дмитриевич Ушинский выпустил учебник-хрестоматию «Родное слово», куда включил многие фольклорные тексты в собственной обработке.

По образованию Ушинский был юристом, блестяще окончил Московский университет и получил кафедру в ярославском демидовском лицее, но уже через пару лет уволился, не согласившись с ужесточением правил преподавания. Обновленные правила действительно выглядели как триумф бюрократии: для каждого занятия надо было составлять особый план, заверять списки цитат.

Репутация Ушинского не сильно пострадала. Вскоре он устроился в Гатчинский сиротский институт, оттуда перешел в Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге, где окончательно оформились его педагогические идеи.

Ушинский достаточно быстро стал знаменитым и очень востребованным педагогом. Императорский двор обращался к нему за советами по воспитанию наследника. Его назначили редактором официального журнала Министерства народного просвещения. Но вскоре из-за интриг Ушинский попал в опалу, был обвинен в атеизме, политической неблагонадежности и со скандалом лишен должности, на этот раз окончательно.

Благодаря покровительству императрицы Марии Александровны он отправился в командировку в Европу, чтобы познакомиться с зарубежными методами педагогики, а заодно начал составлять хрестоматию, которая оказалась главным делом его жизни.

«Родное слово» стало подлинной вехой в русской педагогике. Книга была предназначена для чтения в начальных классах, состояла из пословиц, стишков, небольших сказок.

До нее детей учили родному языку по отрывкам из церковных книг (на церковнославянском языке) и фрагментам правительственных манифестов.

Хрестоматию Ушинского переиздавали сотни раз. Ее ценили не только педагоги, но и читатели. Более того, многие фольклорные произведения до сих пор издаются именно в обработке Ушинского. Именно он превратил «Колобка», «Курочку Рябу» (у Ушинского она называется «Золотое яичко») и «Репку» в тексты, неизбежные для чтения русским детям. И не только их.

«Жил-был у бабушки
Серенький козлик.
Вот как! Вот как!
Серенький козлик!»

Песенка тоже из его хрестоматии. Были в ней и очень распространенные в позапрошлом веке, а сейчас почти исчезнувшие из популярной культуры сказки «Пение волка» и «Липовая нога».

Особую славу получила «Репка», которую сегодня знают исключительно в пересказе Ушинского.

Источник, которым пользовался сам Ушинский, неизвестен. Историю большого, крепко сидящего в земле корнеплода он мог взять из собрания сказок Афанасьева. Хотя не исключено, что пересказал какую-то редкую версию, которую сам слышал в детстве.

Ушинскому удалось сделать из «Репки» безупречную с точки зрения педагогики историю. Она логичная и с четкой моралью: нужно трудиться сообща и помогать другим.

В народе сказку рассказывали по-другому. Выглядит она иначе и в собрании А. Н. Афанасьева. Не будет лишним процитировать ее целиком.

> *«Посеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может!*
>
> *Со́звал дедка бабку; бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут!*
>
> *Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут!*
>
> *Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут!*
>
> *Пришла но́га (?). Но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут!*
>
> *Пришла дру́га но́га; дру́га но́га за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! (И так далее до пятой но́ги).*
>
> *Пришла пя́та но́га. Пять ног за четыре, четыре но́ги за три, три но́ги за две, две но́ги за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!»*

Афанасьеву прислали текст из Архангельской губернии. В сноске он отметил, что знает схожий вариант из соседней Вологодской губернии:

> *«Был старик со старухою, насеяли репу. “Старуха! – зовет старик. – Я ходил, смотрел: репка частая. Пойдем рвать”. Пришли к репке, посудили-посудили: как нам репку рвать? Бежит ножка по дорожке. “Ножка, пособи репку рвать”. Рвали-рвали, не могли вырвать…»*

Что такое сказочные «ножки», для Афанасьева осталось загадкой, недаром он поставил в тексте знак вопроса.

Ее решением спустя полтора века занялись карельские исследователи А. С. Лызлова и А. В. Репин. Они нашли похожие на «Репку» тексты, но не среди сказок, а в народных игровых песнях[27]. Например, в книге «Детские песни» П. А. Бессонова (1868) был опубликован такой текст:

«Сеял дедка репку:
“Ай, матушка-репка,
Уродися, репка,
Не часта́, не ре́дка!”
Уродилась важная:
Дивилися ка́жныя.
Пошел дедка репку рвать:

[27] Лызлова А. С., Репин А. В. «Выросла репка больша́ да кре́пка»: о некоторых особенностях популярной сказки // Сборник статей межрегиональной конференции «VII Кирилло-Новоезерские чтения». Белозерск, 2017.

Тянет, тянет – вы́тянуть не может.
По́звал дедка бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку:
Тянут, тянут – вытянуть не могут.
Взяла внучка сучку,
Сучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку:
Тянут, тянут – вытянуть не могут.
Прилетела Но́га,
Прилетела дру́га,
Прилетела третья,
За третьей четвёрта,
За четвёртой пя́та.
Пять за четы́ре,
Че́тыре за́ три,
Три Ноги за́ две,
Две Ноги за Но́гу,
Но́га за сучку,
Сучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку:
Тянут, тянут – вытянули репку!»

Подробного описания самой игры нет. Скорее всего, во время игры некоторые участники сидели на земле и изображали репки, держались друг за друга или за какой-либо предмет (столб, пень). Другие игроки старались их вытянуть, то есть поднять с земли и оттащить в сторону. При этом кто-то из вытягивающих выступал в роли бабки, кто-то – сучки, кто-то – первой, второй и так далее ноги.

Или же это была трудовая песня наподобие «Дубинушки», которая своим ритмом помогала сообща выполнять однообразную тяжелую работу (например, тянуть бурлакам тяжелые баржи по реке). Точнее, не подлинно трудовая песня, а ее реликт, спустившийся из взрослой среды в детскую.

Получается, Афанасьев мог не вполне точно понять смысл присланного ему текста и включил песню в сказки. Затем ее, возможно, переделал Ушинский, придав знакомый всем нам вид.

Гипотеза красивая, но фольклор слишком разнообразен и пестр, он противится любым однозначным утверждениям.

Сюжет про ноги-помощники рассказывали и как сказку, причем тоже на Русском Севере.

В Вологодской губернии записали детскую сказку о том, как репка росла долгие три года, то есть сильно дольше, чем нужно. В этой детали могли отразиться любовь сказки к числу три или желание сказочника указать, что старик со старухой сделали ошибку, не вытащив репку вовремя.

Когда старик со старухой отправились за репкой, вытащить ее они не смогли. Тянули, тянули, но:

«Репка крепка: не вырвется».

Смотрят, идет одноног. Позвали, стали тянуть втроем. Все равно не получается.

Мимо шагает двуног. Позвали и его. Двуног за однонога, одноног за деда, дед за бабку – опять не вытащат.

Идет треног…

> *«Эта сказка бесконечная; далее говорится, что пришел семиног, восьминог, девятиног и так далее, пока не надоест рассказчику и слушателю»*[28].

Контекст для сказки неизвестен. Может быть, ее рассказывали детям по вечерам как однообразно-ритмичный текст, от которого хочется спать. Даже монотонная молитвенная песня колобка в сравнении с такой «Репкой» покажется на редкость бойкой и интригующей.

Может, ее пересказывали сами дети в качестве докучной сказки, в которой нудно и скучно повторяется один и тот же элемент.

Но и это еще не все.

Во Владимирской губернии крестьяне забавлялись историей репки и многоногов как скороговоркой. В конце XIX века корреспондент Тенишевского этнографического бюро писал:

> *«К числу забав во время досуга можно отнести передаваемую в приятельском кружке сказку о том, что у одного мужика уродилась на репище одна только репа, но зато такая, что ее как ни таскал он со своим семейством, никак не мог вытащить.*
>
> *Пригорюнился мужик, сидя на репище, вдруг идет нога, спрашивает его, о чем он горюет, и, получив ответ, что не может вытащить репу, предлагает ему употребить в помощь и ее силу. Уцепилась нога, мужик за репу – не вытащили репу.*
>
> *Идут две ноги. Мужик просит и их пособить своему горю. Уцепились две ноги за ногу, нога за мужика, мужик за репу – не вытащили репу.*
>
> *Таким образом продолжается до тех пор, как пришли 10 ног. Уцепились. Десять ног за девять ног, девять ног за восемь ног, восемь ног за семь ног, семь ног за шесть ног, шесть ног за пять ног, пять ног за четыре ноги, четыре ноги за три ноги, три ноги за две ноги, две ноги за ногу, нога за мужика, мужик за репу – репу вытащили.*
>
> *Здесь все преимущество остается на стороне того, кто весьма скоро, твердо и безошибочно, как в словах, так и в ударениях на оных произнесет то, как уцепились 10 ног за 9 ног и т. д. до конца»*[29].

Вытаскивающие огромную репку многоногие персонажи – не только самые скучные, но и одни из самых загадочных в русском фольклоре. Они лишены каких-либо характеристик кроме все увеличивающегося числа конечностей.

Однако в мировом фольклоре идея получала и более странное воплощение.

> *У чехов в схожем сюжете вместо ног приходили на помощь числа: «Второе пришло, схватилось за первое, первое – за бабку, бабка – за репку. Тянули-тянули, ничего не смогли вытянуть» – и так до десяти. Смысл этой истории, по словам филолога И. Ф. Амроян, заключался во внезапном финале, когда все участники работы падали друг на друга. Концовка выглядела*

---

[28] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5. Ч. 3. СПб., 2007. С. 33.

[29] Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. О. 1. Д. 2. Л. 4.

эффектно на фоне скучного и медленного увеличения числа участников сказки[30]

[30] Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М., 2005. С. 135.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.